

П.А. Кротов

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ
ОТРЯДА КАРЛА XII И МАЗЕПЫ ЗА ДНЕПРОМ

*Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю.
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
Он скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним.*

(А.С. Пушкин)

Полтавская победа разделила Великую Северную войну на две половины. После разгрома ударных сил шведской армии во главе с королем Карлом XII в генеральной баталии 27 июня 1709 г. и пленения на третий день ее остатков на левом берегу Днепра Россия перехватила стратегическую инициативу. Со дня Полтавской виктории и вплоть до завершения войны страна наращивала успехи на суше и на море, в развитии промышленности, внешней торговли, образования, культуры, в совершенствовании системы государственного управления.

Сдача в плен основных сил шведской армии у крепости Переволочна на Днепре не привела, однако, как казалось бы, к совершенно логичным последствиям — захвату в плен Карла XII, бывшего украинского гетмана изменника И.С. Мазепы и сопровождавшего их небольшого отряда шведских войск, которые сумели уйти за Днепр в степи. Шведский король, беглый гетман и остатки их отряда смогли достичь турецкой крепости Очаков и тем самым укрыться в пределах Османской империи. Данный факт во многом повлиял на ход и, возможно, исход войны со Швецией, продолжавшейся еще более 12 лет.

Обстоятельства бегства шведов за Днепр поныне остаются во многом не проясненными. Спорных вопросов остается немало.

Какова была численность шведского отряда, спасавшегося бегством по направлению к Очакову? Какие силы россиян преследовали шведов? Какие силы нерегулярной конницы гнались за шведами? В чем состояла их роль? Когда шведы

осуществляли переправу на другой берег Бугского лимана? Когда король покинул остаток своего отряда у лимана? Сколько шведов вместе с королем сумело достичь Очакова? Какое их количество погибло в ходе бегства и попало в плен?

Для ответа на эти вопросы требуется поиск новых источников, сопоставительный анализ весьма разнородных материалов на различных языках. Возможности прояснить ряд вопросов по названному важному сюжету однозначно существуют.

Итак, приступим к анализу спорных вопросов.

Прежде всего необходимо выяснить, зачем Петр I предпринял немалые усилия, чтобы догнать и пленить беглецов за Днепр.

В самом деле, шведская армия была наголову разгромлена при Полтаве, ее остатки пленены на Днепре утром 30 июня 1709 г. Шведский король и Мазепа пытались скрыться в пределах Османской империи. Понятно, что в данном положении царя, по существу, не интересовали ни сопровождавшие шведского монарха генералы, офицеры и рядовые, ни толпы запорожцев.

Речь шла о крупной политической игре — крайне желательном пленении особы самого короля. Британский путешественник О. де ла Мотрей писал, что некоторые освободившиеся из плена шведские офицеры рассказывали ему, что каждого из генералов и офицеров наиболее значительных чинов, которых приводили к торжествующему царю как после завершения битвы, так и после пленения остатка шведской армии на Днепре, он спрашивал: «Где мой брат Карл?». После того как русскому самодержцу отвечали, что они не знают того, что с ним стало, Петр I заявлял: «Я желаю только его, и я уповаю, Волконский, которого я послал на его поиски, приведет его»¹. Пленение в битве или замена по собственной прихоти монарха иного суверенного государства на троне — это признак империи, государства колоссальной силы. Это указание на выдающиеся способности человека, возглавлявшего такое мощное государство. Создать настоящую империю могут только люди величайших дарований и воли, такие, как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Петр Великий. Людям авантюристического склада в Европе не удавалось создать империю более чем на десяток лет: Наполеон I, Гитлер. Пленение шведского короля, надо полагать, поспособствовало бы скорейшему завершению войны на российских условиях, триумфу российской внешней политики. Огорчение царя, что Карл XII сумел-таки, благодаря едва не чудесному стечению обстоятельств, избежать пленения на Полтавском поле и при бегстве за Днепром, понятно, но случилось то, что случилось.

Петр I строил великое государство — Российскую империю. После великой победы русскому самодержцу для поднятия собственного престижа было крайне желательно взять в плен монарха враждебной державы. Потом следовало сместить ставленника Карла XII — польского короля Станислава I, поставить в Речи Посполитой другого короля, продиктовать Швеции выгодный для России мир, иными словами, надлежало действовать с имперским размахом и мощью.

Запутавшийся в интригах жалкий беглец, «генерал» или «герцог» (так его иногда величали западноевропейцы) Мазепа в данных обстоятельствах нужен был русскому

монарху только для «воспитательных» целей. В настоящем положении старик-изгнанник, пришпоривавший коня навстречу скорой смерти, в политическом отношении был уже мертв («Мазепа проклятой издох»² 21.08.1709; первоначально его тело было закопано, как это делается с павшей домашней скотиной, собаками, кошками, в винограднике, «от Бендер четверть мили»)³. В новой системе ценностей, которую царь усиленно внедрял в общественное сознание, первенствующее место занимали понятия чести, доблести, добродетели, верности Отчизне. Перечисленные понятия в то время объединялись звучным латинским словом *virtus*. Мазепа, несмотря на свою безусловную образованность, не усвоил это понятие в полной мере. Если добродетель (гражданские свершения, человечность) ему в определенной мере была свойственна, то отсутствие чести (шляхетская напыщенность в польском духе не считается) и верности присяге своему монарху перечеркивали все остальное положительное. Вместо чести, неколебимой верности у Мазепы наблюдалось не знавшее границ стремление к личной выгоде, обогащению, болтанию в трясине тайной «многовекторной» политики, а скорее ее видимости. Именно поэтому показательная казнь низменного честолюбца и клятвопреступника при большом стечении народа и при соответствующем идеологическом оформлении (принудительное «награждение» его «орденом Иуды», соответствующие надписи, назидательные картины и т. п.) «сработала» бы на внедрение в государстве новой системы ценностей.

Достаточно вспомнить, какое значение было придано царем торжественной казни бежавшего с русской службы под Азовом к туркам и перешедшего в мусульманство ничтожного «немчина», голландского матроса Я. Янсена (Якушка). Предатель сообщил неприятелю ценные сведения об осаждавших город русских войсках, чем турки с успехом воспользовались при организации вылазки. При триумфальном вступлении в Москву победоносных русских войск после Второго Азовского похода 30 сентября 1696 г. преступившего присягу проходимца, «вора и крестопреступника и изменника Якушку» удостоили особой «чести» — везли прикованного цепями на телеге к месту публичной казни в упряжке из четырех лошадей. Якушка был облачен в турецкое платье, в чалме. На шее у него болталась веревка с петлей, тянущаяся наверх, к перекладине. На перекладине имелась надпись для народных размышлений: «Переменою четырех вер Богу и изменою возбуждает ненависть, турок — христианом злодей». На груди у него была и дополнительная поясняющая надпись: «Злодей». Над двумя столпами, державшими перекладину, были воткнуты по топору и по ножу. На самой перекладине, где беспринципному прохвосту после некоторых «процедур» предстояло упокоиться, помимо веревки с петлей, висели два хомута, десять плетей, двое клещей и два ремня. У столпов на телеге стояли два профессионала, заплечных дел мастера А. Попов и Т. Андреев. Через триумфальные врата Якушку перед казнью даже не провезли, поскольку он был не достоин этой «чести» «за многое свое воровство и измену»⁴.

Пропагандистское раздувание тяжести преступления «маленького человечка», незаметного прохиндея Якушки, придание его казни общегосударственного значения призваны были подчеркнуть: в Новой России, как сказано, на щит подняты понятия

чести, верности клятве; первенствующее значение имеет верная служба Родине. Отныне за подобные преступления надлежало карать по всей суровости закона. 7 октября 1696 г. «вор и изменник Якушка за свое воровство в Преображенском пытан и казнен... руки и ноги ломали колесом и голову на кол взоткнули»⁵.

Мазепа не наблюдал московского триумфа 1696 г. и казни Якушки, но ему, конечно, о них рассказывали. Несомненно, что до слуха Мазепы дошли вести об учиненной над ним заочно 5 ноября 1708 г., накануне избрания нового гетмана, казни. Тогда на виселице, сооруженной на эшафоте, было поставлено чучело «Ивашки Мазепы». А.Д. Меншиков и Г.И. Головкин при большом стечении народа разорвали копию его патента на звание кавалера ордена Св. Андрея Первозванного. Затем было зачитано пространное обличительное писание о царских благодеяниях Мазепе, его неблагодарности и неверности. Палач сорвал с чучела Ивашки андреевскую ленту, затем вздернул куклу свергнутого гетмана на веревке⁶. Находившийся в это время в окружении Карла XII «Ивашка» не страдал от отсутствия информации. Знал он и то, что было перехвачено его письмо на латыни польскому королю Станиславу I от 5 декабря 1708 г. из Ромен. Оно было приложено к грамоте царя украинскому народу от 21 января 1709 г., данной в Сумах, в качестве доказательства того, что Мазепа измену «для собственной своей тщетной славы и властолюбия учинил... дабы поработить сей малороссийский народ паки под древнее ярмо польское...»⁷. В этом послании польскому королю перебежавший к шведам гетман подписался: «...верный подданный, слуга низжайший Ян Мазепа, гетман»⁸. Речь в письме шла о передаче Украины полякам, о необходимости «усыпить змия», то есть российского царя, ядом⁹.

Именно обширной осведомленностью Мазепы о развитии ситуации вокруг его личности следует объяснить скорое «форсирование» им Днепра еще днем 29 июня 1709 г. «Гетман» показывал пример — «тикал» впереди всех полтавских беглецов. Вопрос теперь стоял уже о близости очной казни, и авантюрист, бывший гетман, в очередной раз, «как вихорь», сорвался в бег. Уже в письме из Полтавы от 1 июля 1709 г. пребывавший в русском плену К. Пипер писал о согласии русской стороны обменять его на беглого гетмана, причем заявлялось, что его особу следует иметь в «добром бережении», поскольку его выдачи царь будет требовать и при грядущем подписании мирного договора¹⁰.

Преследование отряда Карла XII и Мазепы, двинувшегося через степи к турецкой границе в междуречье Днепра и Южного Буга, тем не менее не было своевременно организовано. А.Д. Меншиков писал царю с берега Днепра во втором часу после полудня 30 июня, что принимает сдачу шведских полков: «...сего часу пришли все строем и кладут ружье». Одновременно он сообщал монарху: «А за королем отправляем мы за Днепр добрую партию, которая, надеюсь... что праздно не возвратитца»¹¹. Однако выполнить свое намерение А.Д. Меншиков не смог ни в этот, ни в следующий день.

Имеющееся утверждение, что генерал-майор Г.С. Волконский к вечеру 30 июня с 6000 драгун и с казаками переплыл Днепр¹², противоречит источникам, которые нельзя оспорить. Оно воспроизводит известие (в данном случае ошибку) в записках шведского лейтенанта Ф.Х. фон Вайе, плененного при Переволочне¹³.

Весь день 30 июня 1709 г. русские войска принимали сдачу шведской армии. Высшее командование в тот день принадлежало А.Д. Меншикову. На него, следовательно, и ложится ответственность за промедление. Для организации преследования шведов под рукой у светлейшего князя не было судов для переправы драгунской конницы на другой берег Днепра. Что предпринимал в тот день А.Д. Меншиков для скорейшей присылки судов к Переволочне, неизвестно. Документальных свидетельств на этот счет нет. В любом случае регулярные войска в тот день в погоню посланы не были.

Однако до сих пор неизвестно, когда устремились в погоню за отрядом короля и Мазепы отряды нерегулярной российской конницы. Королевский отряд им удалось настичь на берегу лимана Южного Буга на день раньше, чем драгунам.

А.Д. Меншиков писал 10 июля 1709 г. коронному гетману А.Н. Сенявскому: «...за этой небольшой партией, которая бежала за Днепр, был послан отряд драгун и несколько тысяч казацких и калмыцких войск...»¹⁴.

На следующий день после пленения шведской армии, 1 июля, в Переволочну прибыл Петр I. Именно царь распорядился насчет организации преследования за Днепром. Подробный наказ о погоне был в тот же день выдан А.Д. Меншиковым генерал-майору Г.С. Волконскому. Однако в наказе есть прямая ссылка на полагавшуюся в случае успеха царскую милость «господину генералу» — верный знак того, кто разработал наказ Г.С. Волконскому, данный от имени А.Д. Меншикова. Г.С. Волконскому предписывалось: «1. Идти, с Божию помощю, с определенной партией за Днепр, переправяся оную реку в удобном месте, и где возможно больше судов сыскать. 2. Тот поход свой править тем трактом, которым король шведский пошел ...и идти со всяким поспешением денно и ночью, несмотря ни на какия трудности, и по крайней мере трудиться его, короля шведскаго, догнать. 3. Буде же Бог поможет, что он, генерал-майор, его, короля, догонит, и тогда его взять и привести к нам... а между тем обходиться с ним, яко же с монархом, честно и учтиво. 4. Если при нем, короле, будет изменник Мазепа, и его, взяв, вести за крепким караулом и смотреть того, чтобы он каким способом сам себя не умертвил. [...] 6. Продолжать тот свой поход до того времени, пока его, короля шведскаго, полонит, к чему всякое тщание прилагать, не жалея себя, понеже за то, ежели сие учинит, высокая Его Царскаго Величества милость ему, господину генералу, обещается»¹⁵.

Несколько регулярных конных полков немедленно выступили под командованием генерал-майора Г.С. Волконского вверх вдоль берега Днепра к Кременчугу, где, как ожидалось, находятся суда для переправы. Однако на полпути к назначенному месту переправы к Г.С. Волконскому прискакал подпрапорщик Московского драгунского полка Герасим Рогозин с ординарцем с устным приказом генерал-поручика Р.Х. Боура идти с полками обратно, к Переволочне, и явиться к А.Д. Меншикову. Хотя Г.С. Волконский, по его словам, «словесному указу не поверил», тем не менее он остановил движение на восемь часов. Получив от А.Д. Меншикова подтверждение прежнего указа о преследовании отряда шведского короля и бывшего гетмана, генерал-майор возобновил путь с войсками. Суда, прежде бывшие у Кременчуга, оказались согнаны вниз по

течению до Камня. Произошла новая задержка. Только 3 июля состоялась переправа на правый берег реки на судах, прибывших вниз по течению из Чигирина и Дубровы¹⁶.

Неразбериха, возникшая после доставленного Г. Рогозиным приказа Р.Х. Боура остановить преследование, получила даже литературное развитие в устных преданиях XVIII столетия. Полтавская битва, гордость за которую вошла в матрицу исторического сознания русских и украинцев, вскоре же после того, как отзвучали залпы орудий, стала предметом литературно-художественного осмысления. Литературный мотив чудесного спасения дала сама реальная история. То, что королю удалось-таки ускользнуть от преследования, вызывало удивление современников. Предания в процессе их устной «жизни» ветвились, как растущее дерево: некоторые подробности исчезали, другие появлялись, возникали новые объяснения, менялись место действия и даже люди, участники событий.

Некоторые люди, так или иначе связанные с историей знаменитой битвы, исход которой заставил Западную Европу пристально посмотреть на восток континента, рассказывали предания из ее истории, стремясь поднять таким образом свой собственный престиж, значимость своих предков, рода, вызвать особый интерес собеседника. Один из таких рассказов зафиксировал путешествовавший по России в течение ряда лет англичанин У. Кокс. 21 августа 1779 г. он посетил в старой столице дом московского генерал-губернатора князя Михаила Никитича Волконского (1713–1788). Князь известен, в частности, тем, что сыграл важную роль в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г., который возвел на российский престол Екатерину II. Он получил тогда крупное пожалование в 5000 руб. В день переворота он был генерал-аншефом, подполковником лейб-гвардии Конного полка. Вот как У. Кокс описал произошедшее в 1779 г. знакомство: «Князю шестьдесят седьмой год. Он помнит Петра Великого и описывает его как человека огромного роста, в шесть фут, крепкого и хорошо сложенного, с трясущейся головой, которого часто подергивали судороги, присовокупив, что он носил обыкновенно зеленый мундир или коричневый длинный сюртук и замечательно тонкое белье. Его коротко остриженные черные волосы не были напудрены, и он не носил усов (!? — П.К.). Князь забавлял нас анекдотами об этом великом монархе, из коих один был передан ему князем Меншиковым»¹⁷. Информатором, на которого сослался М.Н. Волконский, скорее всего был генерал-аншеф светлейший князь Александр Александрович Меншиков (1714–1764), сын «полудержавного властелина».

Приведем эту «полтавскую историю», как она записана У. Коксом: «После Полтавской битвы, когда его отец, князь Волконский, преследовал Карла XII с отрядом легкой конницы, к нему подскочил адъютант, передавший от Меншикова приказание остановиться; он повиновался, но послал к князю ординарца сказать, что он преследовал короля шведского и уже почти нагонял его. Меншиков был чрезвычайно удивлен, получив это известие, так как он никому не давал приказания прекратить преследование; его мнимого адъютанта никто более не видал. Так как Петр не повелел разыскать того, кто спас его величайшего врага от плена, то подозревали, что он сам придумал эту уловку, чтобы не иметь в руках пленного, которого ему не захотелось бы отпустить на свободу и вместе с тем и неприятно было бы долго держать в плену»¹⁸.

Отец рассказчика М.Н. Волконского, князь Никита Федорович Волконский, никак не мог командовать войсками на поле Полтавской битвы. Он, будучи записанным в Преображенский полк, только в 1712 г., в числе других молодых людей, был послан для обучения в школу в Ревель¹⁹. Очевидно, рассказчик играл на том, что в битве участвовали два генерал-майора от кавалерии Волконские. Наверное, не располагая документами, он невольно приписывал своему отцу столь интересный «факт», вымысел по истории битвы, следуя услышанному им преданию.

Собиратель рукописей и исторических вещей П.Ф. Карабанов (1764–1851), знакомый со многими выдающимися личностями, записал другой вариант приведенного предания. На этом примере, сопоставляя оба варианта, можно увидеть, как устные рассказы могли трансформироваться. Вот этот рассказ: «По разбитии шведов под Полтавою за бежавшим неприятелем отряженная погоня настигла его у Переволочны. Всё было взято в плен, кроме Карла XII с его свитою, ушедшаго на противоположный берег реки; оставалось только переправиться за оную. В пущую тревогу является ген.-майор князь Григорий Семенович Волконский, украшенный белою перевязью через плечо, с царским указом остановить погоню и вмиг уезжает. Между тем начавшаяся пересылка, как и чрез кого объявлено повеление, сделала остановку и дала Карлу время избавиться от плена. Впоследствии открылось, что это сделано было с намерением и что царю побег королевский, так сказать, развязывал руки»²⁰.

Герой предания в его первом варианте преследует Карла XII, во втором — напротив, своими действиями не позволяет захватить шведского короля в плен. Примечательно, что главные герои обоих вариантов предания носят фамилию Волконский. Второй вариант имеет внешнюю форму исторического анекдота, даже некой байки-сказки с внешними эффектами: князь с «белою перевязью через плечо», «с царским указом», «вмиг исчезает».

Имеющееся в первом и во втором предании объяснение указа русского монарха вообще прямо противоречит реальности: Петр I очень желал взять в плен суверена европейского государства. Престиж выигранной битвы не в последнюю очередь определялся «представительностью», высотой положения на лестнице государственных чинов павших и плененных неприятелей. Король же представлял собой вершину иерархической пирамиды иностранного государства. В обоих вариантах устного предания развивается литературный мотив чудесного спасения. Историк русской литературы XVIII в. Е.К. Никанорова пишет: «Являясь фиксацией или отголоском слухов, преданий и легенд, связанных с именем определенного исторического лица, литературный анекдот сохраняет связь с фольклором, что проявляется как в трактовке образа главного героя (или конфликта), так и в наличии уже в письменной традиции нескольких версий одного события»²¹.

Как проходила погоня в последующие дни?

Г.С. Волконский писал А.Д. Меншикову «от Кременчуга, перешед Днепр», что он переправился с вверенными ему драгунами через реку 3 июля и «сего июля 4 дня» 1709 г. двинулся за отрядом беглецов во главе с Карлом XII. С небольшой частью своих

войск, не сумевших своевременно перебраться через реку вместе «с художонными лошадьми», он оставил полковника Рожнова. В авангарде за бегущим неприятелем следовали Переславский и Лубенский украинские казачьи полки. К тому времени они уже вышли «за Черной лес». Генерал-майор сообщал: «Толко имеем нужду в том, что мно-го усталых лошадей. Также и в провианте»²².

Состав и численность конного отряда, преследовавшего шведов за Днепром до Южного Буга, можно установить. Н.П. Волынский выяснил, что в отряде под общей командой Г.С. Волконского гнались за шведами Тверской и Ярославский драгунские полки. Еще два конных полка, входившие в этот отряд, находились под началом Г.С. Кропотова²³. Если названо имя Г.С. Кропотова, значит в погоне участвовал Второй драгунский конно-гренадерский полк, которым он командовал в качестве полковника. Четвертый полк драгун, участвовавший в изнурительной гонке по безлюдной и маловодной степи, — это Ростовский драгунский полк. Его офицеры упоминали, что полк «из-под Полтавы послан был за шведами до Переволочны, к Днепру, и в оное же время командирован был с генералом-майором князем Волконским за шведским королем под Очаков». Одиннадцать офицеров Белозёрского драгунского полка тоже единогласно свидетельствовали в 1720 г.: «И в 709 году был Белозёрской драгунской полк... в партии с генерал-майором князем Волконским за швецким королем под Очаковым, и был бой с шведом у реки Буга...»²⁴. Об участии Каргопольского драгунского полка в преследовании неприятеля показывали в 1720 г. в «сказках» его офицеры: «...и был полк командирован с генерал-майором князем Волконским за швецким королем до Буга-реки, под Очаков...»²⁵. Сведений об участии других конных полков регулярной армии в преследовании шведов и мазепинцев за Днепром не имеется.

Итак, состав отряда преследователей установлен — шесть регулярных полков, пять драгунских и конно-гренадерский.

Какие же по численности силы Петр I послал, чтобы пленить шведского короля с его отрядом и Мазепу с его заблудшими «овцами», мятежными казаками?

Ростовский драгунский полк, по табели от 5 июня 1709 г., насчитывал 3 штаб-, 34 обер-, 40 унтер-офицеров, 948 капралов и рядовых — всего 1025 строевых чинов²⁶. По обобщающей ведомости 1711 г., в нем «по Полтавской баталии» было 988 строевых чинов²⁷, то есть во втором источнике названы только унтер-офицеры и рядовые — $948 + 40 = 988$. Во Втором конно-гренадерском полку Г.С. Кропотова, согласно табели на 19 июня 1709 г., имелось 3 штаб-, 30 обер-, 40 унтер-офицеров и 953 капрала и гренадера — всего 1026 конников²⁸. Тверской драгунский полк, по табели от 9 июня 1709 г., имел в своих рядах 3 штаб-, 34 обер- и 40 унтер-офицеров, 891 капрала и драгуна — всего 968 военнослужащих строевого состава²⁹. В Ярославском полку в марте 1709 г. по табели числилось 1063 чел. урядников, капралов и рядовых, а количество офицеров в документе не указано³⁰. В Каргопольском драгунском полку накануне битвы по табели на 25 июня 1709 г. насчитывается 758 только унтер-офицеров, нижних командных чинов и драгун; численность офицеров не названа³¹. В Белозёрском драгунском полку имелось, по табели на 10 апреля 1709 г., 772 фузеи, 768 палашей, 100 копий, 575 пар пистолетов — это косвенный признак наличия в полку около 800 строевых чинов, включая офицеров³².

Приведенные выше данные таблицей завьшают число возможных участников и битвы и преследования короля за Днепром (до округленно 5700 чел.). Во-первых, эти регулярные кавалерийские части (исключая Ростовский полк) понесли потери убитыми и ранеными в Полтавской битве. Во-вторых, не все строевые чины по разным причинам могли участвовать в баталии: болезни, незалеченные раны и др. В-третьих, число лошадей в полках, как свидетельствуют источники, могло быть в некоторых полках меньше количества строевых чинов. В Ростовском полку на названную дату на 988 нижних строевых чинов имелось 855 верховых драгунских лошадей, в Тверском на 931 — 820, в Ярославском на 1063 — 870, в Каргопольском полку на 772 нижних чина приходилось 934 драгунских лошади³³. Впрочем, конский состав перед баталией мог быть пополнен.

Целесообразно рассчитать численность отряда преследователей, исходя из данных ведомости о количестве нижних чинов, участвовавших в битве, с указанием числа погибших по полкам.

Согласно этой ведомости, во Втором конно-гренадерском полку Г.С. Кропотова после Полтавской победы, с учетом потерь павшими (60 человек), числилось 655 бойцов. Тверской полк, за вычетом погибших в битве (33 человека), имел 634 конника из нижних чинов, Ярославский, после вычета потерь убитыми в баталии (42 человека), имел 838 всадников, урядников и рядовых. Ростовский полк во время битвы стоял в резерве. В Белозёрском драгунском полку числилось после Полтавской битвы, за вычетом погибших (30 человек), 597 всадников от унтер-офицеров до рядовых драгун; Каргопольский драгунский полк имел соответственно 706 бойцов нижних чинов³⁴. Естественно, в преследовании не приняли участие раненые, число которых по этим полкам неизвестно. Уменьшить число преследователей могли и тяготы стремительного броска от Полтавы к Переволочне (изнеможение и падеж лошадей, травмы людей и др.).

Итак, число преследователей из урядников и рядовых по верхнему пределу (поскольку нужно еще вычесть небольшое число раненых при Полтаве) следует указать, с учетом офицеров, с небольшим округлением в 4500 всадников.

Спустя несколько дней с левого берега лимана Южного Буга Г.С. Волконский написал А.Д. Меншикову о ходе организованной им погони: «...пошел я с кумандрованными афицеры и драгуны от Кременчюка июля 4 дня и шел за неприятелем степью денно и ночью с поспешением, и драгунских лошадей от Кременчюка на половине пути и не доходя Очакова по дороге стало 1500...»³⁵. Иными словами, в ходе изнурительной погони примерно треть реальной численности отряда преследователей вынуждена была отправиться с пути обратно по причине полного изнеможения верховых коней. О них Г.С. Волконский доносил: «...тех драгун с лошедьми поворотил я до Кременчюка...»³⁶. Тем не менее до Южного Буга дошли в порыве преследования неприятеля около 3000 всадников российской регулярной кавалерии.

Неимоверные трудности стремительного броска драгун к лиману Южного Буга раскрывает скупая фраза из донесения командира корпуса погони Г.С. Волконского А.Д. Меншикову от 9 июля 1709 г. уже «от реки Буга». Генерал-майор доносил: «И я с

I. ARTICLES

кумандою своею поворотился назад, к Кременчюку, для того ...что у драгун провианту ничего нет и 5 дней хлеба не едали, а достать было невозможно, для того что от Кременчюка до Очакова деревень не было, всё шли степью»³⁷.

Надежды на захват Карла XII и Мазепы оставались. Новгородский митрополит Иов в поздравлении Петру I по случаю Полтавской победы полагал-таки, что «заяцоподобный краль шведский... впадет в острейшия ногти российского двоеглавного орла»³⁸.

*И где ж Мазепа? Где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе?*

(А.С. Пушкин)

Драбант К. де Турвиль красочно описал бегство королевского отряда по степи: «Мы, не зная о положении на том берегу, направились между тем в путь и долго продвигались, не имея известий, что там произошло. Всю дорогу король оставался верхом, если не говорить о том обстоятельстве, что, будучи не в состоянии держаться на коне, он находился на маленьком татарском сиденье, несколько напоминающем наши коляски. Глубокое молчанье царило вокруг, и никто не осмеливался его нарушить. Каждый, будучи погружен в свои печальные думы, был занят только мыслью о том, кем он теперь стал. Бесконечная пустыня предстала перед нашими глазами: то было начало пустыни, по которой пролегал наш путь в Турцию. [...] Неизвестности переходов, голод, жажда, жара днем и холод ночью предвещали почти определенную смерть тому несчастному отряду, в котором я находился. Нам не попадались ни деревни, ни дома, ни шалаши, ни деревья, ни следы людей, которые когда-либо проезжали по этой ужасной стране. То, как мы страдали, пересекая ее, сильнее всяких слов. [...] Наконец, страшно утомленные, прибыли мы к Бугу, реке, которая берет свое начало в Подолии и служит турецкой границей. Ее ширина составляла более четверти льё (*льё — сухопутное, старинная французская мера длины, 4445 м. — П.К.*) в том месте, к которому мы вышли. Турки, предупрежденные о нашем прибытии господином Понятовским, которого король послал к коменданту Очакова просить, чтобы были подготовлены лодки для переправы, уже ожидали нас на другом берегу в нетерпении, чтобы освободиться от своих съестных припасов и скормить их нам. Они тотчас бросились к нам. Изголодавшиеся шведы как попало... кинулись в воду, чтобы первыми схватить ее. Они бы перерезали тогда горло первому встретившемуся на их пути, до того голод давил этих несчастных бедняков, которые дожили до того, что ели сырую конину подобно татарам и утоляли жестокую жажду грязной и зловонной водой»³⁹.

Как официально свидетельствовал от имени приславших его казаков Лубенского полка Т. Харченко, казаки-мятежники вскоре после переправы вплавь на конях через Днепр двинулись искать себе спасения отдельно от отряда Карла XII⁴⁰. Более того, как писал С. Понятовский, на третий день пути по безлюдной степи ночью запорожцы

подняли бунт. Они собирались захватить Мазепу для выдачи царю и разграбить сокровища, которые были нагружены в его повозках. С большим трудом удалось С. Понятовскому, представителю короля, используя свой авторитет среди казаков, усмирить мятеж и спасти Мазепу. Сообщая об этом эпизоде, генерал заметил, что «казаки в числе от 4 до 5 тысяч человек» были значительно сильнее «нескольких сот» шведских всадников.

Таким образом, настроения мятежников качнулись в другую сторону, разум возобладал. Казаки едва не искупили своей вины перед царем и Отечеством пленением увлекшего их в антиукраинскую (имеется в виду передача Левобережной Украины в состав католической Речи Посполитой) и антирусскую интригу беспринципного честолюбца Мазепы. Наверное, некоторые запорожцы думали, что еще лучше им было бы пленить самого короля. Впрочем, этим замыслом (столь хорошо вытекающим из сложившейся обстановки) казаки с Понятовским не поделились. В любом случае решимости и последовательности у казаков не хватило: шведов и поляков они не порубили, а короля и Мазепу не пленили. В итоге развитие истории пошло по тому пути, о котором мы знаем. После этих событий запорожцы отделились от шведов и двинулись к турецкой крепости Бендеры. Шведский же отряд вместе с Мазепой, некоторым числом казаков и поляков последовал к устью Южного Буга, чтобы затем переправиться к Очакову⁴¹. Крайне показательным, что Мазепа, увидев казачий соблазн захватить его в плен, двинулся далее не с запорожцами к Бендерам, но со своими защитниками от украинцев — шведами и поляками. Движение к Очакову создавало опасность гибели всего отряда на берегу широкого лимана Южного Буга. Раздобыть там средства для переправы было маловероятно, переправиться вплавь невозможно. Боявшийся казни в русском плену гетман в изгнании, безусловно, знал это. Тем не менее бывший гетман решил, что двигаться вместе с казаками к Бендерам еще опаснее — слишком естественной была для казаков мысль о захвате Мазепы вместе с королем для выдачи царю. Успех этой акции сразу же превратил бы казаков из изменников в вечном изгнании в национальных героев. Таков был конец мазепинской аферы — приходилось постоянно опасаться выдачи украинцами его персоны (заочно уже казненной) царю всероссийскому.

Продвижение полтавских беглецов было в высшей степени стремительным. Отряд Карла XII и Мазепы достиг Бугского лимана 4 июля, в день, когда российские войска преследования только переправились через Днепр у Кременчуга. Об этом корсунский полковник А. Кандыба сообщил Д.М. Голицыну, а последний написал А.Д. Меншикову 7 июля 1709 г. Казачий полковник извещал, что находится в урочище Прорбитое, выше по течению Южного Буга, в 12 или 15 милях от Очакова, и со своим полком идет на перехват короля. Соединившись с Переяславским и Чигиринским полками, он собирался «ударить» по отряду короля и Мазепы. Брацлавский полковник писал А. Кандыбе, что со своим полком тоже двинулся «на переем» и расставил заставы по Днепру в пределах земель своего полка⁴². По счастливому для шведов стечению обстоятельств, каролинцам удалось увидеть на берегу Южного Буга челн-однодеревку.

После долгих убеждений несколько оказавшихся там запорожцев отдали его для переправы С. Понятовского, которого король отправил через лиман для переговоров с комендантом Очакова Абдурамман-пашой. Посланцу предстояло договориться о предоставлении провианта и судов для переправы. Путь был неблизкий, по свидетельству С. Понятовского, он составлял четыре мили. Более того, договориться с пашой польскому генералу удалось только на следующий день после прибытия в крепость и только с помощью взятки⁴³.

К. де Турвиль описал в воспоминаниях собственное участие в переговорах с пашой в Очакове. Отправлен он был туда после двух дней пребывания в лагере королевского отряда на участке берега Южного Буга ввиду знания им турецкого языка. Есть основания думать, что во время переговоров с пашой он был переводчиком у С. Понятовского. Польский генерал вспоминал, что с ним был послан «татарин... говоривший по-французски», который «служил ему толмачом»⁴⁴. Очевидно, личностью своего толмача-француза надменный польский генерал мало интересовался, поэтому кое-что напутал в своих воспоминаниях.

Вот отрывок из мемуаров К. де Турвиля: «...от сераскира Бендер через Очаков поступило указание королю следовать туда, но только в сопровождении 24 человек. Короля это ограничение привело в гнев, так как он хорошо видел, что оно вызвано скупостью очаковского пашы. Чтобы найти выход из этого положения, меня послали к нему разъяснить необходимость быстрого прохода. Я нашел там старого, сварливого турка, глухого к самым настоятельным просьбам. Угроза королю и его маленькому войску, которое русские могли в любой момент захватить, тревожила его очень мало. Только золото могло сделать его чувствительным. Он сразу смягчился, когда я испытал это средство... Две сотни дукатов, которые король дал мне для такого случая и которые я ему подарил, совершили все то, о чем говорилось прежде, и я вернулся наконец с тем, что мне было приказано, к лодочникам, заранее нанятым, несмотря на приказ не перевозить никого под страхом смертной казни»⁴⁵. Любопытно, что толмач-француз, драбант короля, видимо, уже переодевшийся в турецкую одежду, обучившийся еще в юности турецкому языку от своего друга Ахмета, выдавал в написанных спустя годы воспоминаниях себя за посланца короля.

Таковым был генерал С. Понятовский на самом деле. Для оценки мемуаров, как вида исторических источников, показательна и такая подробность. По К. де Турвиллю, сумма взятки, переданной очаковскому паше, составила 200 червонцев (дукатов); С. Понятовский для возвеличивания своего значения даже в этой мелкой подробности преувеличил размер подкупа в десять раз — до 2000 червонцев⁴⁶.

Задержка поставила короля, смещенного гетмана и их маленький отряд перед угрозой полного истребления и пленения. Запас времени, полученный шведами в связи промедлением с переправой русских драгунских полков и казаков на западный берег Днепра, грозил вот-вот истечь. Погоня неумолимо приближалась. Новые важные подробности российского преследования, развернувшегося на просторах Дикого поля, позволяет получить введение в научное обращение «сказки» украинского казака Лубенского полка

Т. Харченко (13.07.1709). Под командованием Г.С. Волконского днем и ночью «в погоне за королем шведским и изменником Мазепою» пребывали не только вверенные ему шесть конных полков, но также донские казаки, украинские Переяславский и Лубенский казачьи полки, казаки-кампанейцы и калмыки. Первыми пришли к реке Южный Буг «и нашли тамо несколько шведов, при самой реке, в окопе», казаки. Произошло это «в пятток прошедшая недели», то есть 8 июля⁴⁷, — примечательное совпадение с датой Полтавской битвы по новому стилю. Казаки не атаковали неприятелей в тот день. Они решили дожидаться бывших на подходе полков регулярной конницы: «...драгунские полки поспешить с ними не могли, для того они одни никакого над ними промыслу того дни не чинили»⁴⁸. Г.С. Волконский писал, что вместе с казаками Лубенского и Переяславского полков действовали «и кумпанцы»⁴⁹ — представители левобережных украинских компанейских полков. Как сказано выше, А.Д. Меншиков засвидетельствовал участие в погоне калмыков.

Противники вошли в тесный предбоевой контакт. В тот день, по свидетельству Т. Харченко, еще до подхода драгунских полков на российскую сторону перебежали полковники Ю.П. Кожуховский и Андреяш с 50 казаками, бывшие мятежники⁵⁰. По свидетельству Г.С. Волконского казаков-перебежчиков было больше — 150 человек⁵¹.

Была ли тогда возможность пленить Карла XII и Мазепу?

Может быть, украинские казаки вели «двойную игру», желая создать условия для ухода к туркам бывшего гетмана?

Ныне накоплен значительный массив свидетельств с русской и шведской сторон, позволяющий ответить на этот принципиально важный вопрос.

Предположение относительно неискренних действий казаков, украинских и донских, также калмыков следует решительно отвести прочь. Казаки, очевидно, вместе с ними и калмыки первыми настигли прытких беглецов, это неоспоримо свидетельствует об их ревностной службе.

Вместе с тем финал шведского похода на Москву на берегу Южного Буга — крайне важное событие. Решались судьбы шведского короля и гетмана-изгоя, поэтому источники, описывающие произошедшие в те дни события, следует самым тщательным образом сравнивать, оценивать степень их надежности и мотивы авторов. Так, известию левобережного казака Т. Харченко о времени переправы Карла XII и свергнутого гетмана через Южный Буг доверять в полной мере, очевидно, не следует. Он общал по поручению казаков-преследователей из его отряда: «Про короля сказывают: переправился чрез ту реку и с Мазепою в четверток ввечеру и пошли в Ачаков»⁵². Что было бы, если бы казак показал, что король с Мазепой переправились на другой берег лимана в пятницу 8 июля? В таком случае он тотчас поставил бы себя и своих товарищей под угрозу воинского суда. Сразу бы возник вопрос: почему они не атаковали отряд каролинцев на берегу лимана сразу же, как настигли его? Дело могло действительно принять совсем худой оборот: казаков могли заподозрить в содействии бегству короля и в сочувствии к бывшему гетману, заочно уже казненному. Из героев, первыми настигших беглецов, они могли превратиться в подследственных. Не сообразить такой простой

комбинации в два хода о собственном будущем казаки просто не могли. Следует помнить, что казаки имели честь, хорошо представляли, что такое воинская доблесть, слава и позор, поэтому трудно представить, чтобы они не «поверили» тут же возникшему в их среде слуху о переправе короля с Мазепой в предыдущий перед их прибытием день, вечером в четверг 7 июля 1709 г.

Г.С. Волконский атаковал шведов со своими драгунами и казаками сходу 9-го же июля 1709 г. Тем не менее, очевидно, он руководствовался той же логикой, что и казаки, в указании дня переправы через лиман Карла XII. Как и казаки Лубенского полка, он явно опасался быть обвиненным в том, что своим нерадением упустил из рук короля и Мазепу. Генерал-майор писал А.Д. Меншикову в тот день с берега Южного Буга так: «...король швецкой с Мазепою перебрались реку Буг под Очаковым за день до моего приезде»⁵³ (то есть 8 июля). Главным, по мысли Г.С. Волконского, было то, что король и Мазепа ушли за Южный Буг за день до его прибытия!

Между тем участники этого «заднепровского похода» Карла XII в один голос свидетельствуют, что король, успевший сесть в спасительное судно, видел-таки, как истребляют и берут в плен остатки некогда славного шведского воинства. Беглецам из шведского отряда вообще не имело смысла скрывать то, что шведский монарх мужественно оставался с ними до последнего разумного предела — момента появления русских драгун.

К. де Турвиль вспоминал об этих минутах: «Государь вошел в лодку нехотя и побледнел от горя, видя, как на его глазах уничтожают оставшуюся часть его отряда»⁵⁴.

Генерал С. Понятовский, упомянув, что переправа через лиман на небольших судах проходила в течение двух дней (то есть 8 и 9 июля), писал: «Король имел только горе видеть, как более 400 человек шведов, а также поляков и казаков, которые не могли еще перейти, были схвачены затем москвитами на берегу реки»⁵⁵. С. Понятовский полагал: «Если бы король задержался на час, он сам был бы захвачен в плен»⁵⁶.

Скорбь охватила короля скорее от другого: он в эти мгновения понял — армии, переданной им на берегу Днепра под команду А.Л. Лёвенгаупта, больше нет. Король еще не знал, подверглась ли она избиению и пленению, подобному тому, что происходило у него в эти минуты на глазах, или ее остатки сдались без выстрелов, или же малой части беглецов удалось уйти в Крым.

Что король наблюдал вблизи атаку русских драгун и казаков 9 июля на оставшихся на восточном берегу лимана людей из его отряда, свидетельствовали не только К. де Турвиль и С. Понятовский. Драбант Х. Гассман, который был пленен в эти минуты на берегу Южного Буга, так описал последние мгновения русского похода короля и его каролинцев: «Так как мы все в количестве приблизительно 500–600 человек (жалкий остаток отличной армии, каковой она была при выходе из Саксонии) не могли поместиться на этих судах, король трогательно с нами простился, взшел на судно с Мазепою и несколькими офицерами и отплыл вниз по реке в Турцию... Едва только король расстался с нами, как московитский генерал... который следовал за нами по пятам, атаковал нас. Что было нам делать? Мы должны были сдаться, что доставило москвитам радость полной

победы и осознание, что они разбили наголову такого грозного для них шведского короля и совершенно уничтожили его армию»⁵⁷. Путешественник О. де ла Мотрей, пребывавший в те дни рядом, в Стамбуле, тоже писал, что король мог наблюдать с другого берега реки (по его словам, шведский монарх переправился за несколько часов до этого), как происходит нападение на остаток его отряда из 500 шведов, поляков и казаков⁵⁸.

Атака же на сборный отряд шведского короля, укрепившийся в небольшом земляном сооружении на берегу лимана, произошла 9 июля 1709 г. силами подошедших четырех полков драгун, двух левобережных казачьих полков, донских казаков, представителей украинских компанейских полков и калмыков. Вот, как написал об этом заключительном эпизоде затянувшегося на годы русского похода Карла XII Т. Харченко: «...как скоро в субботу, поутру, пришли драгунские полки, то учинили приступ, и шведы... здались»⁵⁹.

Подробнее рассказ о заключительном бое русского похода у командовавшего в нем с российской стороны генерал-майора Г.С. Волконского: «И сего июля 9-го пришел я к Бугу с командованными своими, и при мне были полковники переясловский и лубенской и кумпанцы, где перебирался неприятель, и несколько человек их сидело в транжаменте, которой сделан был у Буга. И тот транжамент взяли и многое число от неприятельских людей побили, а больше потопили в реку Буг, а живьем взяли: ротмистр 1, капитан 1, поручиков 2, прапорщиков 2, отютант 1, ундер-афицеров 9, редовых 200, знамя одно»⁶⁰. Г.С. Волконский не упомянул среди российских потерь погибших, но только раненых. Это был один капитан и неуказанное число драгун⁶¹. Совершенно очевидно, что сопротивление россиянам почти отсутствовало, беглецы бросились в реку и тонули либо сдавались в плен.

Трудно не задать повторно уже так или иначе прозвучавшие естественные вопросы. Может быть, все-таки зря казаки не попытались атаковать самостоятельно шведский лагерь 8 июля 1709 г.? Может быть, тогда имелись реальные шансы захватить в плен Карла XII и Мазепу?

История в итоге такого развития событий пошла бы по другому направлению. В любом случае надо учесть: в присутствии короля боевой дух и сопротивление шведского отряда были бы заметно выше. Это, конечно, не спасло бы беглецов, просто число взятых в плен приблизилось бы к нулю. Более важно отметить то, что лодка у Карла XII, несомненно, была наготове и находилась под надежной охраной. У россиян же средств для переправы и преследования на воде не имелось. Более того, Х. Гассман вспоминал, что король и гетман-изгнанник отправились в Очаков вниз по Южному Бугу, то есть водою. Схватить человека со столь развитым понятием о чести, как король Карл XII, и заурядного прохиндея Мазепу, лишённого столь высокого свойства, можно было бы только, если корпус преследования от Днепра был бы послан без четырехдневной проволоочки.

Как оказалось, чтобы «добыть» короля, следовало предпринять 30 июня 1709 г. нечто в высшей степени неординарное в истории военного искусства. Переправиться драгунам, казакам и калмыкам через Днепр вплавь? Почему бы нет? Это ведь сделали

беглецы — шведские кавалеристы и мазепинцы! Они выбрали подходящее место выше по течению Днепра и переправились на другой берег вместе со своими конями⁶². Русские драгуны тоже по большей части умели плавать и предпринять столь смелое действие, думается, могли бы.

Следует подвести итоги. При организации погони за шведами за Днепром имел место ряд несогласованностей. Прежде всего это отсутствие невдалеке выше по течению Днепра готовых судов для осуществления переправы русских войск вблизи Переволочны. В этом просчете Петра I упрекнуть крайне сложно, хотя он и имел обыкновение просчитывать возможное развитие событий на много ходов вперед. Трудно было рассчитать все возможные варианты, в каком месте у Днепра окажутся шведы после столь ожидаемого и, по существу, несомненного разгрома в генеральной баталии. Далее свою роль сыграла невыдача распоряжений о поиске и своевременном сплаве судов по Днепру А.Д. Меншиковым в течение 30 июня. Нелепый приказ Р.Х. Боура остановить преследование тоже нельзя сбрасывать со счетов. Время для того, чтобы гарантированно догнать и пленить короля с Мазепой, было упущено. Эту причину после неудачи погони назвал сам Г.С. Волконский. Она была вполне очевидной: «...не могли... неприятеля легкия мои партии доехать, для того что он упредил свой марш предо мною четырьмя днями от Днепра...»⁶³.

В итоге всего перечисленного шведский венценосец и бывший гетман с жалким остатком своего отряда сумели-таки найти спасение в пределах Османской империи. Они разбили лагерь, свое первое надежное убежище, под стенами турецкой крепости Очаков на берегу Днепровско-Бугского лимана Черного моря. К. де Турвиль вспомнил, что это был первый случай, когда беглецы после перехода через Днепр развернули палатки⁶⁴.

Ближайшие военные последствия Полтавской эпопеи в главном сводятся к тому, что образцовая, как казалось, неудержимо шедшая на Москву шведская армия во главе с победоносным королем Карлом XII исчезла. Это произошло как непосредственное следствие битвы у Полтавы: пленение шведов на Днепре было заранее запланировано царем. Преследование отступавших шведских войск до Днепра было чрезвычайно плотным, как писали отступавшие, русские следовали в эти дни и ночи за ними по пятам. Организовать погоню за шведами и гетманом в изгнании по Дикому полю за Днепром столь же блестяще не удалось. Это действительно сложнейшая с военной точки зрения задача — преследование разгромленного неприятеля за столь крупной водной преградой. К примеру, П.С. Салтыков после победы в генеральной битве при Кунерсдорфе (1759) на следующий день даже не предполагал преследовать немцев ни до Лабы, ни тем более за ней. П.А. Румянцев после разгрома турок и татар при Кагуле (1770) тоже не пытался организовать преследование неприятелей за Дунаем. Петр I сделал это и добился некоторого успеха, но короля, у которого не было больше армии, не пленил-таки.

- ¹ *Motraye A. de la. Travels through Europe, Asia and into part of Africa [...].* L., 1723. Vol. I. P. 291.
- ² ПБИПВ. М., 1952. Т. 9, вып. 2. С. 1412.
- ³ Там же. С. 1078.
- ⁴ Поход боярина и Большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие его и Лютика города и торжественное отгуды с победоносным воинством возвращение в Москву [...] / изд. В.Г. Рубан. СПб., 1773. С. 191–193, 210.
- ⁵ *Желябужский И.А.* Записки // Россия при царевне Софье и Петре I : записки русских людей. М., 1990. С. 249.
- ⁶ *Костомаров Н.И.* Мазепа. М., 1992. С. 258.
- ⁷ ПБИПВ. М. ; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 38.
- ⁸ Там же. С. 41.
- ⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 9. Л. 634. Вариант перевода с латыни письма И.С. Мазепы королю Станиславу I от 5 декабря 1709 г. из Ромен.
- ¹⁰ Полтавская битва 27 июня 1709 года : документы и материалы / сост. В.Е. Борисовым, А.А. Балтийским, А.А. Носковым. СПб., 1909. С. 329.
- ¹¹ СВ. М., 2009. Т. 1. С. 495, 496.
- ¹² *Артамонов В.А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009. С. 602.
- ¹³ [*Weihe F.C., von*] Lőjtnanten Fr. Chr. von Weihe's dagbok, 1708–1712 // НН. Stockholm, 1902. Del. 19, № 1. S. 73.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 198 (А.Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 1196. Л. 3. Перевод с польского языка; не ранее 1965 г.
- ¹⁵ Цит. по: *Шустов В.Н.* История 25-го драгунского Казанского полка. 1701–1901 гг. Киев, 1901. С. 37.
- ¹⁶ *Вольнский Н.П.* История Лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка, 1701–1901. СПб., 1902. Т. I, кн. I. С. 88–91.
- ¹⁷ [*Кокс У.*] По России и Польше в исходе XVIII в. : путевые впечатления англичанина, 1779–1785 гг. // РС. 1907. Кн. 10. С. 181–182.
- ¹⁸ Там же. С. 182.
- ¹⁹ *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 670.
- ²⁰ Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П.Ф. Карабановым // РС. 1871. Т. 4. С. 585–586.
- ²¹ *Никанорова Е.К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII в. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001. С. 29.
- ²² ТРВИО. СПб., 1909. Т. 3. С. 212.
- ²³ *Вольнский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1, кн. 3. С. 88, 91.
- ²⁴ [*Поликарпов Н.П.*] О войсковых частях, принимавших участие в «генеральной баталии» под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года // ВС. 1909. № 5. С. 243.
- ²⁵ Там же. С. 244.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 412 (Сведения о русских войсках, о их управлении и занятиях в мирное время). Оп. 1. Д. 39. Л. 73.
- ²⁷ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве : к 300-летней годовщине. СПб., 2009. С. 389. Прил. № 3. Л. 64.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 39. Л. 28.
- ²⁹ Там же. Л. 59.
- ³⁰ Там же. Л. 13.
- ³¹ Там же. Л. 86.
- ³² Там же. Л. 78.
- ³³ Там же. Л. 13, 28, 59, 73, 86.
- ³⁴ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве : к 300-летней годовщине. С. 387. Прил. № 1.
- ³⁵ СВ. Т. 1. С. 505.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 3227. Л. 1.
- ³⁹ *Кротов П.А.* Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию // ВИ. 1989. № 3. С. 130–131.
- ⁴⁰ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве : к 300-летней годовщине. С. 394. Прил. № 6. Л. 336 об.
- ⁴¹ [*Понятовский С.*] Записки сподвижника Карла XII (к истории Северной войны) // ЖИРВИО. СПб., 1910. Кн. 4. V. С. 39–40.
- ⁴² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3208. Л. 1–1 об.
- ⁴³ [*Понятовский С.*] Записки сподвижника Карла XII... С. 40–41.
- ⁴⁴ Там же. С. 40.
- ⁴⁵ *Кротов П.А.* Воспоминания Константена де Турвиля... С. 131.
- ⁴⁶ [*Понятовский С.*] Записки сподвижника Карла XII... С. 41.
- ⁴⁷ Полтавская битва произошла в понедельник. Остальные расчеты произвести нетрудно.
- ⁴⁸ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. С. 394. Прил. № 6. Л. 336.
- ⁴⁹ СВ. Т. 1. С. 505.
- ⁵⁰ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. С. 394. Прил. № 6. Л. 336.
- ⁵¹ СВ. Т. 1. С. 505.
- ⁵² *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. С. 394. Прил. № 6. Л. 336 об.
- ⁵³ СВ. Т. 1. С. 505.
- ⁵⁴ *Кротов П.А.* Воспоминания Константена де Турвиля... С. 131.

I. ARTICLES

- ⁵⁵ [Понятовский С.] Записки сподвижника Карла XII... С. 41.
- ⁵⁶ [Poniatowski S.] Remarques d'un seigneur polonois sur l'histoire de Charles XII, Roi de Suède par monsieur de Voltaire. La Haye, 1741. P. 52.
- ⁵⁷ Гассман Х. Странствования. Париж, 1971. С. 34, 35.
- ⁵⁸ Motraye A. de la. Voyages du s-r A. de la Motraye en Europe, Asie et Afrique. Vol. 1. P. 414.
- ⁵⁹ Кротов П.А. Битва при Полтаве. С. 394. Прил. № 6. Л. 336–336 об.
- ⁶⁰ СВ. Т. 1. С. 505.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² См. места переправы шведов и казаков-мятежников на карте-схеме: Энглунд П. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 251.
- ⁶³ СВ. Т. 1. С. 505.
- ⁶⁴ Кротов П.А. Воспоминания Константена де Турвиля... С. 131.